

Информация для цитирования:

Бадмаева Е. Н. Советское государство и кочевые народы Юга России : социально-политические процессы и природно-климатические факторы (1920–1930-е годы) / Е. Н. Бадмаева // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 4. — С. 324—345. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-4-324-345.

Badmaeva, E. N. (2024). Soviet State and Nomadic Peoples of Southern Russia: Social-Political Processes and Natural-Climatic Factors (1920s-1930s). *Nauchnyi dialog*, 13 (4): 324-345. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-4-324-345. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Советское государство и кочевые народы Юга России: социально-политические процессы и природно-климатические факторы (1920–1930-е годы)

Бадмаева Екатерина Николаевна

orcid.org/0000-0002-4472-5535

ScopusAuthorID 57193093540

WoS ResearcherID: J-7325-2016

доктор исторических наук,
директор Международного
научно-исследовательского центра
«Ойраты и калмыки
на евразийском пространстве»
en-badmaeva@yandex.ru

Калмыцкий государственный
университет имени Б. Б. Городовикова
(Элиста, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда
№ 22-18-00313 «Трансформация
кочевых обществ Юга России в контексте
природно-климатических
факторов (XIX — середина XX веков)»

Soviet State and Nomadic Peoples of Southern Russia: Social-Political Processes and Natural-Climatic Factors (1920s-1930s)

Ekaterina N. Badmaeva

orcid.org/0000-0002-4472-5535

ScopusAuthorID 57193093540

WoS ResearcherID: J-7325-2016

Doctor of History, Director,
International Scientific Center
“Oirats and Kalmyks
in the Eurasian Space”
en-badmaeva@yandex.ru

Kalmyk State University
named after B. B. Gorodovikov
(Elista, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported by Russian Science
Foundation, project number 22-18-00313
“Transformation of nomadic societies
in the South of Russia in the context
of natural and climatic factors
(XIX — mid-XX centuries)”

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Изучается советская национальная политика в отношении кочевых народов в период 1920—1930-х годов, когда закладывались и развивались основы национально-государственного строительства в СССР. Объектом исследования выбран отдельно взятый регион — Юг России, один из наиболее полиэтничных макрорегионов страны. Предметом исследования стала реализация социально-экономической и национальной политики советского государства на территории этнических меньшинств — калмыков, ногайцев и ставропольских туркмен. Отмечены общие специфические особенности кочевого населения: религиозный фанатизм, социальная изоляция, врожденная замкнутость. Искоренение этих негативных качеств калмыками, ногайцами, ставропольскими туркменами и включение их в общероссийское пространство потребовало от властей дифференцированного подхода в работе с каждым этносом. Доказано, что власти, реализуя национальную политику советского государства через решение насущных социально-экономических проблем калмыков, ногайцев, ставропольских туркмен, сумели в определенной степени выполнить как минимум две основные задачи. Первая задача — вывести указанные кочевые народы из социально-экономического кризиса, главным образом через стимулирование и развитие сельского хозяйства, несмотря на сложные природно-климатические условия территории. Вторая задача — обеспечить переход кочевников на оседлый образ жизни.

Ключевые слова:

кочевые народы Юга России; калмыки; ногайцы; туркмены; советская национальная политика; природно-климатические факторы.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study examines Soviet national policy towards nomadic peoples during the 1920s-1930s, a period when the foundations of national-state building in the USSR were being laid and developed. The research focuses on a specific region — Southern Russia, one of the most multiethnic macro-regions of the country. The study investigates the implementation of socio-economic and national policies of the Soviet state in the territory of ethnic minorities such as the Kalmyks, Nogais, and Stavropol Turkmen. Common specific characteristics of the nomadic population are noted: religious fanaticism, social isolation, innate closedness. Eradicating these negative qualities among the Kalmyks, Nogais, Stavropol Turkmen, and integrating them into the all-Russian space required authorities to adopt a differentiated approach to working with each ethnic group. It is proven that by implementing the national policy of the Soviet state through solving urgent socio-economic problems of the Kalmyks, Nogais, and Stavropol Turkmen, the authorities were able to achieve at least two main objectives to some extent. The first objective was to lift the mentioned nomadic peoples out of socio-economic crisis, mainly through stimulating and developing agriculture, despite the challenging natural-climatic conditions of the region. The second objective was to ensure the transition of nomads to a settled way of life.

Key words:

Nomadic peoples of Southern Russia; Kalmyks; Nogais; Turkmen; Soviet national policy; natural-climatic factors.

УДК 94(470+571)“192/193”

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-4-324-345

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Советское государство и кочевые народы Юга России: социально-политические процессы и природно-климатические факторы (1920–1930-е годы)

© Бадмаева Е. Н., 2024

1. Введение = Introduction

Юг России отличается высокой традиционной полиэтничностью: там проживают десятки национальностей с собственной многовековой историей, духовной культурой, что обуславливает поиск и совершенствование модели интеграции народов, населяющих данную территорию, на современном этапе. В советский период истории в данном макрорегионе накоплен значительный опыт национально-государственного, экономического, культурного строительства, межнационального взаимодействия. Актуальность представленной статьи определяется необходимостью изучения прошлого исторического опыта народов Юга России в свете современной государственной национальной политики Российской Федерации, определяющей обеспечение единства и целостности страны в новых исторических условиях. Представляется важным более детально изучить реализацию советской национальной политики в 1920—1930-е годы в отношении кочевых народов Юга России: калмыков, ногайцев и туркмен. Выбор названных этнических меньшинств в качестве объекта исследования обусловлен тем, что из всех народов, проживавших на Северном Кавказе и на Юге России, только эти три этноса к 1920 году сохранили кочевой образ жизни и занимались скотоводством. История каждого из названных нами народов тесно переплетена между собой и с судьбой России. Калмыки пришли на российские территории в начале XVII века в поисках свободных пастбищ для скота. Со временем они создали Калмыцкое ханство, которое в 1771 году после ухода части калмыков обратно в Джунгарию было ликвидировано. К 1917 году Калмыцкая степь являлась особой административной единицей Астраханской губернии. В 1920 году была образована Калмыцкая автономная область, преобразованная в 1935 году в Калмыцкую автономную советскую социалистическую республику.

Мангышлакские туркмены появились на Ставрополье в 1609 году. В их истории был период, когда по разным обстоятельствам они уходили из мест кочевания на Юге Российского государства. После возвращения на прежние места царское правительство разрешило ставропольским туркменам кочевать от реки Кумы до Волги на Северном Кавказе. Пробывание туркмен в Ставропольской губернии продолжалось с XVIII до начала XIX веков. В 1825 году было образовано Туркменское приставство, которое в 1917 году было ликвидировано, и был создан Туркменский уезд. В 1920 году Туркменский уезд был преобразован в Туркменский национальный район (статус национального снят в конце 1930-х годов). Туркменский район был упразднен в 1956 году, вновь восстановлен в 1970 году и ныне находится на территории Ставропольского края.

Ногайцы на всем Северном Кавказе и Ставрополье являются коренным этносом, старейшими жителями степей. Как самостоятельная народность ногайцы сформировались к середине XV века. В прошлом имели феодальное государство кочевников (ногайцев), функционировавшее на основе действующих в Золотой Орде государственных структур и суверенной системы управления. В советское время ногайцы, несмотря на предпринимаемые усилия интеллигенции и общественности, так и не получили национальной автономии. В 1957 году традиционные территории обитания ногайцев административно вошли в Ставропольский край, Чечено-Ингушскую АССР и Дагестанскую АССР. В настоящее время основная часть ногайцев проживает на Ставрополье и в Дагестанской АССР.

Кочевые народы — калмыки, ногайцы, туркмены, дисперсно проживавшие на Юге России, различались между собой по многим признакам: правовым, религиозным, языковым, культурным и хозяйственным, в особенности по уровню социально-экономического развития, что накладывало определенный отпечаток на формирование и реализацию национальной политики в регионах их проживания.

В официальном документе 1925 года «Общие данные о развитии и состоянии работы среди нацмен» северо-кавказские меньшинства предлагалось поделить по уровню социально-экономического развития на несколько групп, в частности, выделив среди них развивающиеся в хозяйственном и культурном отношении и отстающие хозяйства. Так, кочевые народы Юга России были отнесены к одной группе — нацмены тюркско-татарские и кавказские. А в отчетах Северо-Кавказского Крайона их отнесли к группе «мелкие восточные народности» [ГАСК, ф. р–1161, оп. 1, д. 262, л. 122]. Специфической особенностью всех этих «мелких восточных народов» считался религиозный фанатизм, ортодоксальность, социальная изоляция, некоммуникабельность и врожденная замкнутость, в особенности

у представителей калмыцкой национальности остро проявлялась природная замкнутость.

2. Материал, методы, обзор = **Material, Methods, Review**

В исследовании применяются проблемно-хронологический, сопоставительный и сравнительно-исторический методы. Использован междисциплинарный подход при рассмотрении различных аспектов и опыта экономического развития, национально-государственного, культурного строительства, межнационального взаимодействия кочевых народов Юга России.

В настоящее время усилилось исследовательское внимание к изучению истории кочевых народов. Это связано с тем, что кочевая цивилизация традиционно считалась уникальным феноменом в общечеловеческой культуре. Перипетии кочевнической истории интересовали прежде всего тех, кто имел профессиональный интерес: историков, обществоведов, востоковедов. Одной из центральных тем в отечественной историографии стала проблема, главным образом рассматриваемая в предлагаемой статье, — проблема взаимоотношений кочевых народов с советским государством. В дороссийский период исследований подобного рода было несть числа, но мы остановимся несколько подробнее на работах современных историков-востоковедов, опубликованных в последние десятилетия. Как известно, к моменту прихода большевиков к власти и затем еще даже в 1930-е годы степные народы Юга России продолжали вести кочевой образ жизни. По поводу того, как долго этот порядок жизни поддерживался, есть разные мнения. Некоторые исследователи полагают, что традиционный образ жизни у ногайцев и туркмен соблюдался вплоть до середины XX века [Брусина, 2012; Джумагулова, 2023a; Джумагулова, 2023b]. Можно согласиться с утверждением исследователей о том, что советское государство не предъявляло единого жесткого требования о переходе всех кочевых народов на оседлость [Белозерова, 2023; Брусина, 2023]. Указанный процесс являлся для власти стратегически важным, но она, к своей чести, не стала жестко устанавливать окончательные сроки перехода на оседлый образ жизни кочевых народов, реализуя меры тактического характера, с тем чтобы в конечном итоге все же добиться искомого результата. В вопросах управления территориями кочевников власть проявила некоторую лояльность к бытованию у кочевников традиционного образа жизни, что точно подметил известный историк Ф. Л. Сеницын: «Институты управления, созданные на местах центром, до известной степени сохраняли самобытный образ жизни, традиционный порядок жизни и постепенно интегрировали кочевников в общее русло выстроенной советской концепции» [Сеницын, 2019, с. 59]. Процесс перехода кочевников на оседлость — это процесс не одномоментный, он зависел от многих факторов. Так, С. Вино-

градов и Б. Эрднеева называют среди основных факторов перехода калмыков-кочевников на оседлость природно-экологический и экономический, а именно: засуху, неурожай, полное разорение скотоводческого хозяйства [Виноградов и др., 2023]. Именно в подобном аспекте (социально-экономическом и природно-климатическом) рассматривают, в частности, проблемы перехода на оседлость, административно-хозяйственного устройства кочевых народов Юга России в довоенные годы современные отечественные исследователи [Иванцов, 2013; Акопян, 2015; Волхонский и др., 2020; Аджигабулов, 2023; Бадмаева и др., 2023; Бадмаева, 2023].

В данном исследовании в качестве основных источников использованы как опубликованные, так и неопубликованные материалы, извлеченные и вводимые в научный оборот из основных фондов Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ): ф. Р-1235 («Всероссийский центральный исполнительный комитет советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (ВЦИК); Государственного архива Ростовской области (ГАРО): ф. Р-1390 (Органы управления сельского хозяйства. Азово-Черноморское краевое земельное управление); Государственного архива Ставропольского края (ГАСК): ф. р-1161 (Управление межевой частью Кубанской области г. Екатеринодар), ф. Р-1761 (Исполком Ачикулакского районного Совета депутатов трудящихся. С. Ачикулак).

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

В 1920—1930-е годы степных калмыков, туркмен и ногайцев отличал от других народов Юга России кочевой и полукочевой образ жизни, повышенный уровень социальной изолированности. Если калмыцкий кочевой народ имел разнообразные контакты и навыки общения в быту с русскими земледельцами, то туркмен связывали с ними исключительно только торгово-арендные отношения. Кочевники-туркмены и ногайцы, в силу своей обособленности и некоммуникабельности, довольно неохотно шли на контакт с русским населением [ГАСК, ф. р-397, оп. 1. д. 1064, л. 314]. Зачастую в многонациональной среде проживания кочевых народов отмечались неприязненные отношения между коренными скотоводами и русскими земледельцами. Их основными причинами являлись извечные земельные споры, то и дело возникавшие из-за захвата самостоятельно заселившимися русскими крестьянами пастбищных земель кочевников.

Советские государственные органы после окончания Гражданской войны были ориентированы на признание в стране национально-территориальных областей и республик, вследствие чего для кочевых народов или, как называли их власти, «малых восточных народностей Северо-Кавказского края» создавались автономные образования и национальные районы.

В первые послеоктябрьские десятилетия в отношении кочевых народов Юга России большевистская партия и советское государство преследовали две основные цели:

- вывести скотоводческое хозяйство кочевых народов из социально-экономического кризиса путем финансового и материального стимулирования;
- массово и планомерно перевести кочевое население на оседлый образ жизни.

Для решения этих непростых задач кочевым народам из Центра выделялись немалые финансовые средства на обустройство жилья, строительство хозяйственных построек, в некоторых местностях им даже отдавались лучшие земли. Объявленная властью в те годы политика коренизации и проводимые в связи с ней мероприятия непосредственно затронули развитие национальных меньшинств в политическом и культурном отношении. Этническим меньшинствам предоставлялись самые широкие права в вопросах самоуправления и возрождения национальной культуры. Право национального самоопределения было также предоставлено народам, однако в действительности оно было формальным, так как решающее слово в вопросах наделения определенному этносу национальной-территориальной автономии оставалось за Центром. Так, в 1920 году решением ВЦИКа была создана Калмыцкая автономная область, в 1935 году преобразованная в Калмыцкую автономную советскую социалистическую республику [Конституция и конституционные..., 1940, с. 88]. Калмыцкий национальный район в составе Сальского округа возник в январе 1930 года [ГАРФ, ф. р-1235, оп. 44, д. 35, л. 1, 37, 96]. В 1920 году образовался Туркменский национальный район путём преобразования Туркменского уезда, однако в 1930-х годах он был лишён статуса национального, правда, в 1970 году его восстановили. В ноябре 1922 года решением центральных властей в состав Дагестанской Республики вошла часть Кизлярского округа с г. Кизляром и Ачикулакский район Прикумского уезда Терской губернии, где стал компактно проживать ногайский народ [Джумагулова, 2023, с. 95]. В конце 1920-х годов государственные органы власти ввели в состав ДагАССР несколько районов с проживанием ногайцев: Караногайский, Шелковской, Кизлярский, Ачикулакский и Каясулинский.

В первые послеоктябрьские десятилетия межнациональные отношения в кочевых регионах, надо сказать, были неидиллическими, иногда они разрастались до жарких споров и конфликтов кочевников с властями и представителями других народов. Советскими органами власти, учитывая национальный статус туркмен, ногайцев, калмыков, проводился комплекс управленческих превентивных мер, направленных на снижение социально-экономической, межнациональной, межконфессиональной напряжен-

ности в местах проживания кочевников. Так, например, в Туркменском районе для преодоления возникших конфликтных прецедентов между властями и туркменским населением в качестве непосредственных посредников привлекались татары — близкие туркменам по духу и религиозным воззрениям. Об этом наглядно свидетельствует архивный документ: «По причинам их (туркмен. — *Е. Б.*) фанатизма, обычая, нравов и религии общаться с русским населением не могут и единственное спасение привлечь на помощь более близко стоящую нацию — просим в интересах сохранения данной народности, переселить 5—6 тыс. татар в Туркменский район... как более развитых из всех народов тюркского племени... могущих реально, культурно и экономически на них влиять в развитии туркмен и вообще по всем областям жизни» [ГАСК, ф. р-397, оп. 1, д. 1064, л. 314].

В начале 1920-х годов калмыки, ногайцы и туркмены в основной своей массе сохраняли полукочевой и даже традиционный кочевой образ жизни. Номады главным образом занимались скотоводством, и по мере истощения одних пастбищ они перемещались на новое место вместе со своим скотом. Территориальные власти, к примеру, в ногайских районах, для полноценного восстановления и дальнейшего развития скотоводческих хозяйств в короткие сроки стали оперативно решать вопросы землепользования и проблему кооперирования населения. Дело в том, что «вопрос кооперирования кочевых хозяйств в то время стоял особенно остро, т. к. традиционные отрасли экономики находились в бедственном положении. Создание кооперативов на ногайских землях чаще всего происходило по территориальному или родовому признаку, поскольку они охватывали большие поселенческие пространства и улучшали продовольственное снабжение на местах» [Джумагулова, 2023, с. 95].

Перепись 1920 года в отношении ногайцев показала численность в Караногайской волости в 13 аулах 29 273 чел., в Ачикулакском районе в 23 аулах — 10 492 чел. В 1926 году население Ачикулакского района определялось в 16 729 чел., в том числе ногайцев — 6186 чел., туркмен — 1516 чел. Ачикулакский район в административном отношении делился на 11 сельских советов, и его площадь составляла 412 799 дес. земли. Ногайская степь по своим природно-климатическим характеристикам была идентифицирована с Калмыцкой степью: «Обнажена, безлесна, безводна и почти негодна для хлебопашества... почти глинистая и песчаная» [Среди ногайцев..., 1922, с. 7—8]. Поэтому хлебопашеством ногайское кочевое население практически не занималось до Первой мировой войны. Тем не менее на 212 000 дес. земли засеивалась озимая пшеница, которая занимала 40 % всей пахотной земли. Под яровую культуру (ячмень, лен, просо, кукуруза и магар) отводилось 30 % земли, из которой 15 % занималось просом.

Основной доход ногайскому населению приносило скотоводство. Резкое уменьшение количество скота в Ногайской степи в дореволюционный период было связано с приходом на территорию коренного населения русских крестьян, потеснивших с пастбищ ногайский скот, а также с непрерывной реквизицией скота для нужд царской армии. Сведения о численности поголовья скота у ногайцев приведены далее (табл. 1).

Таблица 1

Численность ногайского скота в 1907 и 1925 годах

Виды скота	Количество	
	1907 год	1925 год
КРС	10626	16067
Лошади	626	2895
Верблюды	3734	118
Овцы	174229	46581
Козы		1820
Всего	189215	67481

Ногайцы разводили преимущественно местные породы (украинских и калмыцких овец), мериносовые и гунтукские. Всего на 3769 хозяйств приходилось рабочего скота: волов — 3616 гол., лошадей — 3207 гол. Всего 6823 гол. В среднем на 1 хозяйство приходилось рабочего скота 1½ гол [ГАСК, ф. Р-1761, оп. 1, д. 2, л. 16].

Ногайская степь в большей части территории представляет собой светло-каштановый чернозем, переходящий в супесчаную почву в пограничных с песками полосах, приобретающую более темную окраску. Плодородие почвы ограничивалось из-за климатических особенностей и отсутствия влаги. Поэтому в 1920-е годы чрезвычайно важным для эффективного развития территорий проживания ногайцев стало проведение земельно-водной реформы, способной поднять на новый уровень ногайскую экономику. Проблема землепользования ногайского населения решалась согласно «Положению о сплошном и обязательном землеустройстве автономной Дагестанской Советской Социалистической Республики» (1926). В этом документе обращалось особое внимание на землеустройство земельных и скотоводческих хозяйств: «Хозяйства, занимающиеся скотоводством или скотоводством и земледелием, кроме постоянных земельных наделов, обеспечиваются пастбищами, которые предоставляются в ближайших к этим хозяйствам районах, по преимуществу из состава земель, пригодных только для пастбищного использования» [Декрет ВЦИК, СНК РСФСР..., 1926]. Так, площадь Ачикулакского района, составлявшая в об-

щем 412 799 дес., делилась по угодыям: пахотная — 84 036 дес., огороды и бахчи — 4737 дес., виноградники — 326 дес., сады — 10,3 дес., лес — 3000 дес., неудобная земля (пески и балки) — 85 490 дес., усадьбы — 4620 дес. и пастбища — 230 380 дес. [ГАСК, ф. Р-1761, оп. 1, д. 2, л. 14 об].

В первой четверти XX века социальные и природные катаклизмы не обошли Ногайскую степь. Голодное бедствие 1921 года не так сильно затронуло хозяйства ногайского народа, как сильнейший неурожай и засуха 1924 года, практически подкосившие маломощные ногайские хозяйства. В этой связи местные власти просили центральные финансовые органы учесть бедственное положение ногайцев, предоставить необходимые кредиты и временно освободить наиболее маломощные ногайские хозяйства от уплаты налога. В 1926 году Наркомфин рекомендовал: «Освободить в течение 3-х лет 1000 маломощных хозяйств Ачикулаского района от уплаты единого сельскохозяйственного налога» [ГАСК, ф. Р-1761, оп. 1, д. 2, л. 25].

Ставропольские калмыки (Большедербетовского улуса) и туркмены до революции активно занимались разведением породистых лошадей и овец. В первое десятилетие советского государства суровые природно-климатические условия территории проживания кочевников: жесткие зимы с яркой приметой этого периода — «зудом» (стихийным бедствием в скотоводческих регионах, при котором домашний скот не способен найти корм под снежной коркой льда), летняя жара, сопровождающаяся обжигающим ветром, суховеи, бескормица и прочие природные катаклизмы — привели к упадку скотоводческих хозяйств кочевников почти на 50 %. Эпидемии малярии, туберкулеза, сыпного и брюшного тифа, Первая мировая и Гражданская войны, голод 1921 года привели к значительному сокращению местного населения. Если по переписи 1920 года все население Туркменского района определялось в 11 647 чел., в том числе туркмен — 6124, татар — 2378, калмыков и русских — 2312, остальных — 211 чел., то к 1923 году население района составляло уже 9533 чел., в том числе туркмен и татар — 5665 чел. [ф. р-1761, оп. 1, д. 2, л. 25]. Особенно сильно туркменское население пострадало во время голода 1921 года: «Свыше 3 тыс. туркмен погибло» [ГАСК, ф. р-397, оп. 1, д. 1064, л. 314]. Для малочисленного туркменского населения района потери в 3 тыс. человек, умерших во время голодного бедствия, безусловно, представляют собой внушительную цифру. В годы голодного бедствия наблюдался значительный отток туркмен в Дагестан, поближе к своим сородичам. Отчасти и этим объясняется произошедшее сокращение численности туркменского населения района. Общее количество населения до 1924 года в Туркменском районе претерпевает количественное сокращение, которое остро проявилось в промежутке времени между 1920—1923 годами. Начиная

с 1924 года население района постепенно численно растет, причем этот рост с 1923 года распространяется и на коренное население района (туркмен). Цифры Всесоюзной переписи населения 1926 года свидетельствуют, что в Ставропольском округе осталось проживать не более 4,8 тыс. туркмен [ГАРО, ф. р-1390, оп. 6, д. 129, л. 89]. По данным Туркменского райисполкома, население Туркрайона распределилось на 1 октября 1927 года следующим образом: всего — 11 268 чел., в том числе туркмен — 4843 чел. (41,3 %); татар — 1283 (11,0 %), остальное население — 5142 (47,7 %) [ГАРО, ф. р-1390, оп. 6, д. 129, л. 38].

Изучение состояния туркменского хозяйства в 1920-е годы показывает, что в этот период его настиг сильнейший экономический кризис, в особенности основную отрасль сельского хозяйства Туркменского района — животноводство. Главным индикатором кризисного состояния данной отрасли явилось резкое снижение количества лошадей в районе. Как известно, Туркменские степи издавна относились к району верхового коневодства, поэтому туркмены традиционно отдавали предпочтение разведению породистых скакунов. В основном туркменское население разводило верховую лошадь — помесь калмыцкой породы с горными породами Северного Кавказа. Подобное скрещивание на практике улучшило качество, выносливость и неприхотливость полукровок, сделало их уникальными и неповторимыми [ГАРО, ф. р-1390, оп. 6, д. 129, л. 118].

На кризисном положении туркменского коневодства также негативным образом сказались последствия социальных катаклизмов XX века. В годы Первой мировой и Гражданской войн и в период голодного бедствия погибло большинство табунов и обезлошадил многие группы населения. Так, в 1926 году в районе на 100 хозяйств приходилось безлошадных — 74,7 %, содержащих свыше одной лошади — 23,8 %, двух лошадей — 1,7 %; в хозяйствах, где имелось свыше 2-х лошадей, было 0,3 % туркмен. В руках незначительного числа крупных хозяйств было сосредоточено табунное коневодство.

Ниже приведены сведения о сокращении количества лошадей в туркменском животноводстве (табл. 2).

Как видим, в первое послеоктябрьское десятилетие продолжилось изменение в сторону уменьшения мощности хозяйств туркмен. Если в 1907 году у туркмен насчитывалось 11705 гол. лошадей, то в 1920 году — 2113 гол, а в 1925 году наблюдается резкий упадок в коневодстве — осталось всего 670 лошадей [ГАРО, ф. р-1390, оп. 6, д. 129, л. 93 об]. Казалось бы, сравнительно большой земельный простор, целинные выпасы, сухой климат, в целом благоприятные для разведения лошадей природные условия должны были привести туркменские хозяйства к повышению числен-

Таблица 2

Количество поголовья скота в туркменском животноводстве

Годы	Национальность	Лошади	КРС	Овцы	Козы	Верблюды
1907	Туркмены	11705	22998	89779	6835	2985
	У всего населения Туркрайона	11971	23323	92744		9986
1916	Туркмены	5423	25425	94504	Нет сведений	
1920	Туркмены	2113	4733	12112	1813	37
1924	Туркмены	349	2442	1775	404	7
1925	У всего населения	807	7231	9129	Нет сведений	
1926	У всего населения	1568	7813	13552	588	72
	Туркмен и татар	670	3142	2806	460	29

ности конепоголовья, а также к совершенствованию и улучшению породы лошадей. Однако этого не случилось по вышеперечисленным объективным причинам общественного и природного характера.

Эти же факторы негативным образом сказались и на количестве овцепоголовья в туркменских хозяйствах. Если в 1907 году в хозяйствах туркмен имелось 89 779 гол. овец, в 1920 году — 12 112 гол., то в 1925 году — 9129 гол. [ГАРО, ф. р-1390, оп. 6, д. 129, л. 93 об]. В середине 1920-х годов, в связи с перестройкой экономических интересов, у населения Туркменского района вполне естественно вырос интерес к разведению высокопродуктивных тонкорунных пород овец. Комиссия по обследованию Туркрайона, учитывая многолетний опыт населения в разведении каракулевых овец, определила, что разведение овец данной породы создаст основную базу туркменского овцеводства. Предполагалось, что неприхотливость каракулевых овец к кормовым условиям местности значительно удешевит их содержание, а возросший спрос на шерсть и высокие цены станут главными факторами получения дохода населением, в частности кочевым, хотя из 10 746 овец Туркменского района на долю самих туркмен приходилось всего 2806 овец [ГАРО, ф. р-1390, оп. 6, д. 129, л. 113]. Наличие незначительного поголовья овец у туркмен свидетельствовало о продолжающемся кризисе в туркменском животноводстве. Так, в ауле Шарахалсун из 175 хозяйств не имели овец 142 хозяйства; в аулах Бончара и Антуста из 105 хозяйств — 51 хозяйство без овец. В это время большинство туркменских бедняцких хозяйств стали строить свой бюджет на заработках на стороне, продаже заготовленного камыша и сдаче земли в аренду. Тем не менее в природно-климатических условиях Туркрайона разведение овцепоголовья являлось перспективным и выгодным, так как «наличие солонцеватых

пространств со скудными выпасами и растительностью, утилизировать которые наиболее интенсивным образом могли только такие неприхотливые животные, как овцы» [ГАРО, ф. Р-1390, оп. 6, д. 129, л. 113].

В регионе проживания туркмен также наблюдается значительное сокращение крупного рогатого скота по сравнению с дореволюционным периодом. Виной этому — скудные на растительность пастбища, бескормица, некачественное содержание скота. Так, в 1926 году у туркменского и татарского населения района имелось всего 1332 коровы, волов рабочих — 803, быков старше 2-х лет — 160, бычков 1—2 лет — 200, нетели 1—3 годов — 648, телят — 800. Всего 3943 гол. [ГАРО, ф. р-1390, оп. 6, д. 129, л. 64 об].

В советский период ставропольские туркмены проявляли все так же небольшой интерес к земледельческому труду. Туркменский район, где они в основном проживали, в границах 1926 года занимал территорию в 335 060,66 дес. земли, куда входили надельные земли аулов и земли государственного земельного имущества (ГЗИ). В 1926 году туркмен без посева проживало 20,3 %, русских крестьян — 7,8 %, туркмен с посевом от 10 до 16 дес. — 4,5 %, а русского населения, издавна занимающегося полеводством, с посевом от 10 до 16 дес. — 12,2 %, хотя в дореволюционный период почти половина туркменского населения была занята в растениеводстве (48,6 %) [ГАРО, ф. р-1390, оп. 6, д. 129, л. 44]. Произошедшее в послеоктябрьское время снижение численности туркменского населения, занимавшегося земледелием, наверное, можно объяснить тем, что туркмены по своей природе являлись исконными скотоводами, издавна кочевавшими по обширной Туркменской степи. Это немаловажный фактор, но, возможно, какую-то роль сыграла конъюнктура рынка, определившая выбор туркменского населения в пользу большего занятия скотоводством. Одним из основных источников существования туркменских хозяйств, кроме прямых доходов от животноводства и растениеводства, стала арендная плата, получаемая ими за свои обширные земельные наделы, сдаваемые пришлому русскому населению. При определении нормы душевого надела хозяйства туркмен признавались полускотоводческими, и потому норма наделения увеличивалась в два раза в сравнении с нормой смежного земледельческого населения. В основе подобных расчетов лежало Положение о землеустройстве кочевых и полукочевых районов Туркестанской республики, принятое ВЦИК 10 мая 1923 года. Норма наделения землей для «малых восточных народностей» Северо-Кавказского края определялась в 7,5 десятин [ГАСК, ф. р-397, оп. 1, д. 1064, л. 314]. К этому времени татарское и русское население Туркменского района успело занять более подходящую и удобную для полеводства землю, так как издавна занима-

лось земледелием, но, надо сказать, при этом указанное население было менее обеспечено продуктивным скотоводством. В 1926 году заметно активизировалась группа туркменских мелкопосевных хозяйств с посевом до 5 дес., которая составила 59,6 % от общего числа туркменских хозяйств; хозяйства с посевом до 3-х дес. составляли 42,7 % [ГАРО, ф. р-1390, оп. 6, д. 129, л. 45]. Увеличение количества туркменских хозяйств без посева и параллельный рост числа мелкопосевных хозяйств, на наш взгляд, свидетельствуют об ослаблении экономического состояния туркменского населения. В то же время возросший интерес туркмен к занятию земледелием привел к уменьшению доминирующей роли основной отрасли экономики района — животноводства.

Природно-климатические условия Туркменского района прямым образом влияли на развитие и состояние основных отраслей сельского хозяйства. Территория района характеризовалась наличием значительных земельных пространств, покрытых почвами полупустынного типа с комплексами солонцов и солончаков. Климат территории отличался сухостью и континентальностью с сильными восточными и юго-восточными ветрами, губительно влияющими на развитие культурных полевых растений. Все эти природно-климатические особенности территории плюс обширность наделов у туркменского населения, их бытовые особенности и привычки способствовали укоренению в Туркменском районе экстенсивных приемов ведения скотоводческого хозяйства. Существовавшая в чистом виде скотоводческая система в засушливой восточной части Туркменского района постепенно по мере улучшения почвенных и климатических условий с востока на запад переходила в полеводческо-скотоводческое хозяйство [ГАРО, ф. р-1390, оп. 6, д. 129, л. 47 об].

Кочевой калмыцкий народ в 1920—1930-е годы занимал особое место в этносоциальном пространстве Юга России, поскольку он единственный в макрорегионе, кто исповедовал буддийскую религию. Этнос отличался значительной интегрированностью в общероссийский социум, так как больше трехсот лет находился в составе российского государства. Калмыцкая автономия имела сложную социальную кодификацию с дробным этнотерриториальным делением по улусам (районам). Часть калмыцкого населения имела казачье сословие и проживала во вновь созданном Калмыцком районе Сальского округа. После создания Калмыцкой автономной области в 1920 году и голодного бедствия 1921 года многие калмыки из этого национального района стали переселяться в КАО. Голод 1921 года прошел более жестко по калмыцкой степи и унес жизни, одновременно, включая Первую мировую и Гражданскую войны, около 22,4 % населения Калмыкии [Бадмаева, 2006, с. 155]. Во время голода исчезли многие хотоны и даже целый Ха-

рахусовский улус (район). Если в 1916 году численность калмыцкого населения составляла 134 014 чел., то в 1920 году их осталось всего 117 190 чел. За столь короткий срок произошла сильнейшая демографическая катастрофа калмыцкого народа. В этой связи можно согласиться с мнением историка У. Очирова, что если судить об изменениях численности калмыцкого населения, то можно констатировать, что с 1897 года (190 648 чел. калмыков) по конец 1926 года (129 331 чел.) произошло сокращение численности калмыков почти на 1/3 [Очиров, 2009, с. 287].

В 1920-е годы государственная национальная политика в Калмыкии была заострена на решении переселенческих вопросов. Помимо переезжавших в автономию сальских калмыков, о чем мы сказали выше, стал отмечаться также массовый приток в национальную область терских, оренбургских, кумских и донских калмыков. Основная причина переселения в КАО калмыцких локальных групп заключается в их полном хозяйственно-экономическом разорении. В 1922—1924 годах «около 7—8 тыс. калмыков переселилось из Сальского округа в Большедербетовский улус КАО. Приблизительно такое же количество — около 7,5 тыс. чел. осталось в пределах Сальского округа Северо-Кавказского края. Калмыцкий ОИК предоставил переселенцам земельный участок, получивший название “Манычский коридор”, в размере 60 тыс. дес., годных для занятий земледелием и скотоводством» [ГАРО, ф. р-1390, оп. 11, д. 243, л. 6]. Показатели численности семей, исходя из отправной точки переселения калмыков-переселенцев, выглядят так: из Донской области — 962 семьи (78,5 % от общего числа); Оренбургской области — 78 семей (6,5 %); Терской области — 137 семей (11 %); Уральской — 48 семей (4 %). Общее количество переселенцев составило 1225 семей [Кочевники Юга России... 2023, с. 3.]. Переселение в КАО не было единым общим порывом локальных групп калмыков, проживавших вдали от основной массы соплеменников. В одном официальном государственном документе того времени отмечалось, что не все калмыки массово спешили переселяться на территорию КАО: «В настоящий момент (сентябрь 1929 года. — Е. Б.) по сведениям, полученным от окружного инструктора по работе среди нацмен, устанавливается, что калмыцкое население, проживающее в округе, в основной массе (батраки, беднота и середняки) желания на переселение не изъявляет» [ГАРО, ф. р-1390, оп. 11, д. 243, л. 17—17 об]. Речь идет о калмыках Калмыцкого района Сальского округа Северо-Кавказского края. Территория района в тот период определялась в 174 902 га с населением 9522 чел., из них 63,3 % составляло калмыцкое население. Район фактически был образован в составе 9 сельских советов и земель ГЗИ — 2, где из 1988 хозяйств приходилось на калмыцкие хозяйства — 69,2 % [Максимов, 2016,

с. 498]. В 1932 году посевные площади района, несмотря на проведенную сплошную коллективизацию, составили всего 31 483 га, из них озимые — 10806 га, яровые — 20677 га. В хозяйствах района имелось 2439 лошадей, в том числе рабочих — 1558, КРС — 3452, овец — 187411, свиней — 1105 гол. [ГАРО, ф. р-1485, оп. 1, д. 644, л. 117].

В первой четверти XX века большой урон экономическому положению калмыцкого народа, так же как ногайцам и туркменам, нанесли социальные и природные катаклизмы. Перепись 1916—1920 годов зафиксировала значительное сокращение численности калмыцкого скота (табл. 3) [Материалы всероссийских переписей...1922, с. 8—14, 40—43].

Таблица 3

Уменьшение поголовья калмыцкого скота

Годы	Лошади	КРС	Овцы	Козы	Свиньи	Верблюды
1916	87037	252581	529703	20896	3326	16468
1917	81580	250628	557273	20046	4331	12368
1920	7155	77691	97959	5060	2038	4087

В 1920 году в Калмыкии в процентном отношении от поголовья 1916 года осталось: 8 % лошадей, 30 % КРС, 25 % верблюдов, 18 % мелкого скота. Количество поголовья скота в регионе, как видим, заметно сократилось. Возросло количество хозяйств, не имеющих скота. Так, из 34 073 хозяйств 10545 совсем не имели скота, 21784 — рабочего скота, а 12472 хозяйства было бескоровным [Иванько, 1968, с. 23].

В годы коллективизации Калмыцкая автономная область в экономическом отношении развивалась однобоко: хозяйственную основу составляло экстенсивное животноводство. В регионе 75 % продолжали заниматься животноводством, 66,4 % по-прежнему вели кочевой и полукочевой образ жизни. В 1929 году у калмыцкого населения насчитывалось 1 238 754 гол. скота, хотя в 1917 году имелось уже 1 116 888 гол. В целом общее поголовье скота кочевых народов Юга России — калмыков, ногайцев, туркмен — значительно отставало от довоенного уровня. Видовой показатель животноводческой отрасли у указанных нами кочевых народов в 1925 и 1931 годах выглядел следующим образом (табл. 4) [ГАСК, ф. р-1761, оп. 1, д. 2, л. 16; Бадмаева, 2010, с. 363; Джумагулова, 2023, с. 98].

Это, конечно же, были не самые лучшие показатели в животноводстве, требуемые партийно-государственными органами СССР и РСФСР. В последующем все же наметился некоторый подъем в развитии сельскохозяйственных отраслей кочевых районов Юга России, что выразилось

Таблица 4

Численность поголовья скота у калмыков, ногайцев и туркмен

Годы	Кочевые народы	Лошади	Верблюды	КРС	Овцы и козы	Всего
1931	У калмыков	29486	5706	177205	490302	702699
1931	У ачикулакских ногайцев	2895	118	16067	48301	62381
1931	У караногайских ногайцев	4035	887	20480	48931	74330
1926	У туркмен и татар	670	29	3142	3266	7107

в постепенном увеличении численности поголовья животных, урожайности полей, медленном, но неуклонном улучшении жизненного уровня кочевников, ставших в предвоенные годы в добровольно-принудительном порядке членами коллективизированных аграрных хозяйств.

4. Заключение = Conclusions

Предполагаемый властями процесс ускоренного развития сельского хозяйства кочевых районов Юга России в 1920—1930-е годы затруднился в силу ряда объективных причин социального характера: тяжелых последствий двух революций, Первой мировой и Гражданской войн, голодного бедствия 1921 года и пр. Еще одной причиной, тормозившей сельскохозяйственное производство кочевых народов, являлись сложные природно-климатические условия территории степных nomадов, а именно: часто повторяющиеся в районах проживания кочевников природные катаклизмы, такие как весенне-летняя засуха, зуд и бескормица в зимний период и пр. Российское правительство, несмотря на имевшиеся трудности экономического порядка, все же находило возможность оказания всевозможной помощи кочевым народам Юга страны, что дало возможность их хозяйствам выбраться из стагнационного состояния.

Советская национальная политика в 1920—1930-е годы была направлена не только на преодоление экономической, но и культурной отсталости кочевых районов Юга России. В рамках ее реализации открылись национальные школы с осуществлением преподавания на калмыцком, туркменском и ногайском языках, детские сады, ликбезы, по сути, являвшиеся обязательным атрибутом культурного строительства. В 1925 году в Северо-Кавказском крае существовало минимальное количество национальных школ 1 степени: 13 калмыцких, 18 туркменских, 12 татарских и др. В национальном самосознании кочевников все более укреплялось мнение о не-

необходимости получения населением основ грамотности, подрастающим поколением — образования. Только в Туркменском районе к концу 1920-х годов стали посещать школы более 60 % детей школьного возраста.

Анализируя ход проведения национальной политики на Юге России в 1920—1930-е годы, необходимо отметить, что подход властей по отношению к кочевым народам — калмыкам, ногайцам и туркменам — не был одинаковым и односторонним, он учитывал имевшиеся между ними религиозные, языковые и экономические различия. В администрировании кочевых районов применялись разнообразные модели управления, то есть по отношению к «восточным народностям» использовался дифференцированный подход. К специфическим особенностям проведения национальной политики среди кочевых народов Юга России относились выгодные условия при распределении земель; льготное налогообложение; дополнительные ассигнования из бюджетов разных уровней и пр. В Калмыцкой автономной области специфика советской национальной политики выразилась в поддержке и организации переселения калмыков из других российских регионов в целях компактного проживания этноса в едином месте.

Природно-климатические и социальные катаклизмы, постигшие кочевые народы Юга России в предвоенные годы, не смогли остановить их поступательное движение в развитии экономической, хозяйственной и духовной сферы. Калмыки, ногайцы и ставропольские туркмены прониклись, хотя и с трудом, предложенными советской властью идеями социалистического строительства: они вступали в колхозы, расширяли сельскохозяйственное производство, переходили на оседлый образ жизни, тем самым непосредственным образом участвовали в утверждении в стране нового социального строя.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. ГАРФ — *Государственный архив* Российской Федерации, Ф. Р-1235 («Всероссийский центральный исполнительный комитет советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (ВЦИК), Оп. 44, Д. 35, Л. 1, 37, 96.

2. ГАРО — *Государственный архив* Ростовской области. Ф. Р-64, Оп. 1, Д. 234, Л. 114. ГАРО. Ф. Р-1390 (Органы управления сельского хозяйства. Азово-Черноморское краевое земельное управление), Оп. 6, Д. 129. Л. 35 ; Ф. Р-1390, Оп. 6, Д. 129, Л. 89 ; Ф. Р-1390, Оп. 6, Д. 129, Л. 38 ; Ф. Р-1390, Оп. 6, Д. 129, Л. 93 об ; Ф. Р-1390, Оп. 6, Д. 129, Л. 113 ; Ф. Р-1390, Оп. 6, Д. 129, Л. 64 об ; Ф. Р-1390, Оп. 6, Д. 129, Л. 44; Ф. Р-1390, Оп. 6, Д. 129, Л. 45 ; Ф. Р-1390, Оп. 6, Д. 129, Л. 47 об ; Ф. Р-1390, Оп. 11, Д. 243, Л. 6 ; Ф. Р-1485, Оп. 1, Д. 644, Л. 117 ; Ф. Р-1390, Оп. 11, Д. 243, Л. 17—17 об.

3. ГАСК — *Государственный архив* Ставропольского края, Ф. Р-1161 (Управление межевой частью Кубанской области г. Екатеринодар), Оп. 1, Д. 262, Л. 122; Ф. Р-397, Оп. 1, Д. 1064, Л. 314; Ф. Р-397, Оп. 1, Д. 1064, Л. 314; Ф. Р-397, Оп. 1, Д. 1064, Л. 314; Ф. Р-1761 (Исполком Ачикулакского районного Совета депутатов трудящихся. С. Ачикулак), Оп. 1, Д. 2. Л. 16; Ф. Р-1761, Оп. 1, Д. 2. Л. 14 об; Ф. Р-1761, Оп. 1, Д. 2, Л. 25; Ф. Р-1761, Оп. 1, Д. 2, Л. 16.

4. *Конституции и конституционные акты РСФСР. 1918—1937 гг.* : // Сб. докладов / под общ. ред. А. Я. Вышинского ; АН СССР. Ин-т права. — Москва : Изд-во Ведомости Верховного Совета СССР, 1940. — 299 с.

Литература

1. *Аджигабулов М. Д.* Правовой характер национальной политики Советского Союза в отношении ногайцев / М. Д. Аджигабулов // *Universum : общественные науки : электронный научный журнал.* — 2023. — № 6 (97) — июнь. — С. 4—9. — DOI: 10.32743/UniSoc.2023.97.6.15601.

2. *Акопян В. З.* Образование национальных сельских поселений дисперсных этносов на Юге России в 20—30 годы XX века / В. З. Акопян. — *Пятигорск : ФГБОУ ВПО «ПГЛУ»*, 2015. — 202 с. — ISBN 978-5-4220-0673-1.

3. *Бадмаева Е. Н.* Калмыкия в начале 1920-х годов : голод и преодоление его последствий. (Монография) / Е. Н. Бадмаева. — Элиста : АОр «НПП «Джангар», 2006. — 180 с. — ISBN 5-94587-174-X.

4. *Бадмаева Е. Н.* Животноводство Калмыкии в природно-климатических условиях региона и переход на оседлость кочевого населения в 1930-е гг. / Е. Н. Бадмаева // *Nomadic civilization: historical research.* — 2023. — Т. 3. — № 3. — С. 66—82. — DOI: <https://doi.org/10.53315/2782-3377-2023-3-3-66-82>.

5. *Бадмаева Е. Н.* Нижнее Поволжье : опыт и итоги реализации государственной политики в социально-экономической сфере (1921—1933 гг.) : Монография. [Текст] / Е. Н. Бадмаева. — Элиста : ЗАОр «Джангар», 2010. — 544 с. — ISBN 978-5-94587-430-5.

6. *Бадмаева Е. Н.* Трансформация жилища калмыков в условиях их перевода на оседлость в имперский и советский периоды / Е. Н. Бадмаева, В. В. Батыров // *Научный диалог.* — 2023. — № 5. — Т. 12. — С. 409—426. — DOI: <https://doi.org/10.53315/2782-3377-2023-3-3-66-82>.

7. *Белозерова М. В.* Переход кочевников Горного Алтая на оседлость : социальные технологии, трансформация традиционного хозяйства (XIX — первая треть XX в.) / М. В. Белозерова // *Каспийский регион : политика, экономика, культура.* — 2023. — № 2. — С. 54—61.

8. *Брусина О. И.* Трансформация кочевого образа жизни ставропольских туркмен в XIX—XX в. / О. И. Брусина // *Каспийский регион: политика, экономика, культура.* — 2023. — № 2. — С. 62—71. — DOI: 10.54398/1818510X_2023_2_62.

9. *Брусина О. И.* Этническая группа в многонациональном окружении : полевые исследования среди туркмен Юга России / О. И. Брусина // *Диаспоры.* — 2012. — № 1. — С. 95—128.

10. *Виноградов С. В.* Роль мелиорации в социально-экономическом развитии кочевых народов Юга России (середина 1920-х — 1930-х гг.) / С. В. Виноградов, Б. А. Эрднеева // *Каспийский регион: политика, экономика, культура.* — 2023. — № 2. — С. 112—121. — DOI: 10.31143/2542-212X-2023-3-133-152.

11. Волхонский М. А. Ногайская степь как культурный ландшафт : проблемы идентификации и изучения / М. А. Волхонский, А. А. Ярлыкапов // Уральский исторический вестник. — 2020. — № 2 (67). — С. 61—70.

12. Джумагулова А. Т. Рецепция советского проекта в ногайских степях Северного Кавказа в 1920—1930-е гг. / А. Т. Джумагулова // Каспийский регион : политика, экономика, культура. — 2023. — № 2 (75). — С. 91—101.

13. Джумагулова А. Т. Советский проект в Ногайской степи в 1920—1940-е гг. : от коллективизации к мелиорации / А. Т. Джумагулова // Кавказология. — 2023b. — № 3. — С. 133—152. — DOI: 10.31143/2542-212X-2023-3-133-152.

14. Иванцов И. Г. Советские формы «малой автономии». Национальные районы и сельсоветы на Кубани. 1924—1953 гг. (на материалах Кубани и Северного Кавказа) / И. Г. Иванцов. — Краснодар : Кавказская типография, 2013. — 128 с. — ISBN 978-5-91628-090-6.

15. Иванько Н. И. Великий октябрь и Гражданская война в Калмыкии / Н. И. Иванько, А. И. Наберухин, И. И. Орехов. — Элиста : Калм. кн. изд-во, 1968. — 148 с.

16. Кочевники Юга России : в 2-х ч. Поволжская колонизационно-мелиоративная экспедиция в Калмыцкой автономной области (1924—1926 гг.). Сборник фотоматериалов и документов / Сост. Е. Н. Бадмаева, к.и.н. В. В. Батыров, Б. А. Эрднеева. — Ростов-на-Дону : «Альтаир», 2023. — Ч. 2. — 280 с. — ISBN 978-5-91951-498-5.

17. Максимов К. Н. Калмыки в составе донского казачества (XVII — середина XX в.) / К. Н. Максимов. — Ростов-на-Дону : Изд-во ЮНЦ РАН, 2016. — 576 с. — ISBN 978-5-4358-0132-3.

18. Очиров У. Б. Калмыкия в 1919 — начале 1920 гг. / У. Б. Очиров // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней : в 3-х т. — Элиста : ГУ «Издательский дом «Герел», 2009. — Т. 2. — 840 с.

19. Синицын Ф. Л. Советское государство и кочевники. История, политика, население 1917—1991 / Ф. Л. Синицын. — Москва : Центрполиграф, 2019. — 320 с. — ISBN 978-5-227-08787-4.

20. Среди ногайцев, караногайцев и туркмен // Жизнь национальностей. — 1922. — 19 мая. — № 10 (16). — С. 7—8.

Статья поступила в редакцию 23.03.2024,
одобрена после рецензирования 04.05.2024,
подготовлена к публикации 15.05.2024.

Material resources

Constitutions and constitutional acts of the RSFSR. 1918—1937. (1940). In: *Collection of reports*. Moscow: Publishing house Vedomosti of the Supreme Soviet of the USSR. 299 p. (In Russ.).

GARF — *State Archive of the Russian Federation, F. R-1235* (“All-Russian Central Executive Committee of Soviets of Workers, Peasants and Red Army Deputies (VTSIK), Op. 44, 35, l. 1, 37, 96. (In Russ.).

GARO — the *State Archive of the Rostov region, F. R-64, Op. 1, D. 234, L. 114, GARO, F. R-1390* (Management bodies of agriculture. Azov-Black Sea Regional Land Administration). (In Russ.).

GASK — *State Archive of the Stavropol Territory, F. R-1161* (Management of the boundary part of the Kuban region, Yekaterinodar). (In Russ.).

References

- Adjigabulov, M. D. (2023). The legal nature of the national policy of the Soviet Union in relation to the Nogais. *Universum: social sciences: electronic scientific journal*, 6 (97): June. 4—9. DOI: 10.32743/UniSoc.2023.97.6.15601. (In Russ.).
- Among Nogais, Karanogais and Turkmens. (1922). *Life of nationalities*, 10 (16). May 19th. 7—8. (In Russ.).
- Badmaeva, E. N. (2006). *Kalmykia in the early 1920s: famine and overcoming its consequences. (Monograph)*. Elista: AOr “NPP” “Dzhangar”. 180 p. ISBN 5-94587-174-X. (In Russ.).
- Badmaeva, E. N. (2023). Livestock breeding in Kalmykia in the natural and climatic conditions of the region and the transition to the settlement of the nomadic population in the 1930s. *Nomadic civilization: historical research*, 3 (3): 66—82. DOI: <https://doi.org/10.53315/2782-3377-2023-3-3-66-82>. (In Russ.).
- Badmaeva, E. N. (2010). *Lower Volga region: experience and results of the implementation of state policy in the socio-economic sphere (1921—1933): Monograph. [Text]*. Elista: ZAOr “Dzhangar”. 544 p. ISBN 978-5-94587-430-5. (In Russ.).
- Badmaeva, E. N., Batyrov, V. V. (2023). Transformation of Kalmyk Dwellings during Their Transfer to Settled Life in Imperial and Soviet Periods. *Nauchnyi dialog*, 12 (5): 409—426. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-409-426. (In Russ.) (In Russ.).
- Belozerova, M. V. (2023). Transition of the nomads of the Altai Mountains to settlement: social technologies, transformation of traditional economy (XIX — the first third of the XX century). *The Caspian region: politics, economics, culture*, 2: 54—61. (In Russ.).
- Brusina, O. I. (2012). Ethnic group in a multinational environment: field studies among Turkmens of the South of Russia. *Diasporas*, 1: 95—128. (In Russ.).
- Brusina, O. I. (2023). Transformation of the nomadic lifestyle of Stavropol Turkmens in the XIX—XX centuries. *The Caspian region: politics, economics, culture*, 2: 62—71. DOI: 10.54398/1818510X_2023_2_62. (In Russ.).
- Dzhumagulova, A. T. (2023). Reception of the Soviet project in the Nogai steppes of the North Caucasus in the 1920s—1930s. *The Caspian region: politics, economics, culture*, 2 (75): 91—101. (In Russ.).
- Dzhumagulova, A. T. (2023b). The Soviet project in the Nogai steppe in the 1920s—1940s: from collectivization to land reclamation. *Kavkazologiya*, 3: 133—152. DOI: 10.31143/2542-212X-2023-3-133-152. (In Russ.).
- Hakobyan, V. Z. (2015). *Formation of national rural settlements of dispersed ethnic groups in the South of Russia in the 20—30 years of the XX century*. Pyatigorsk: FGBOU VPO “PGLU”. 202 p. ISBN 978-5-4220-0673-1. (In Russ.).
- Ivanko, N. I., Naberukhin, A. I., Orekhov, I. I. (1968). *Great October and the Civil War in Kalmykia*. Elista: Kalmyk Publishing House. 148 p. (In Russ.).
- Ivantsov, I. G. (2013). *Soviet forms of “small autonomy”. National districts and village councils in the Kuban. 1924—1953 (based on the materials of the Kuban and the North Caucasus)*. Krasnodar: Kavkazskaya tipografiya. 128 p. ISBN 978-5-91628-090-6. (In Russ.).
- Maximov, K. N. (2016). *Kalmyks as part of the Don Cossacks (XVII — mid-XX century)*. Rostov-on-Don: Publishing House of the YUNTS RAS. 576 p. ISBN 978-5-4358-0132-3. (In Russ.).
- Nomads of the South of Russia: in 2 hours. the Volga colonization and reclamation expedition in the Kalmyk Autonomous Region (1924—1926). Collection of photographic*

- materials and documents*, 2. (2023). Rostov-on-Don: Altair. 280 p. ISBN 978-5-91951-498-5. (In Russ.).
- Ochirov, U. B. (2009). *Kalmykia in 1919 — early 1920. In: History of Kalmykia from ancient times to the present day: in 3 volumes*, 2. Elista: GU Publishing House “Gerel”. 840 p. (In Russ.).
- Sinitsyn, F. L. (2019). *The Soviet state and nomads. History, politics, population 1917—1991*. Moscow: Tsentrpoligraf. 320 p. ISBN 978-5-227-08787-4. (In Russ.).
- Vinogradov, S. V., Erdneeva, B. A. (2023). The role of land reclamation in the socio-economic development of the nomadic peoples of Southern Russia (mid — 1920s — 1930s). *The Caspian region: politics, economics, culture*, 2: 112—121. DOI: 10.31143/2542-212X-2023-3-133-152. (In Russ.).
- Volkhonsky, M. A., Sklykapov, A. A. (2020). Nogai steppe as a cultural landscape: problems of identification and study. *Ural Historical Bulletin*, 2 (67): 61—70. (In Russ.).

*The article was submitted 23.03.2024;
approved after reviewing 04.05.2024;
accepted for publication 15.05.2024.*